

УДК 159.922.4

Конфисахор А. Г.

Санкт-Петербургский Государственный Университет,

Санкт-Петербург

Системно-психологическое описание этнических характеристик геоцивилизаций

System-psychological description of ethnic characteristics of geocivilizations

Аннотация

В статье рассматриваются концепции этносов Л.Н. Гумилева, В.Д. Соловья, А.М. Зимичева и А.Г. Дугина. Проводится анализ выделенных А.М. Зимичевым этнических характеристик – изобилие (справедливость), добро, красота и истина и соотнесение их с элементами общенаучного пентабазиса. Предлагается сравнительный анализ этих характеристик у представителей глобальных геоцивилизаций.

Abstract

In the article the author describes the concepts of ethnoses outlined by L.N. Gumilev, V.D. Solovey, A.M. Zimichev and A.G. Dugin; analyzes the identified ethnic characteristics (such as wealth (justice), the good, beauty and truth) by A.M. Zimichev and relates them with the elements of the general scientific pentabazis; offers a comparative analysis of these characteristics in the representatives of global geocivilization.

Ключевые слова: этнос, народ, красота, изобилие, истина, добро, справедливость, коллективное бессознательное, архетипы

Keywords: ethnos, people, beauty, wealth, truth, the good, justice, the collective unconscious, archetypes

При описании и исследовании этносов как составных частей геоцивилизаций мы отметим философско-историческую концепцию Л.Н. Гумилева, в которой исследуется возникновение, развитие и угасание народов и цивилизаций [1]. Согласно его концепции основными акторами исторических процессов являются этносы как наиболее устойчивые и активные человеческие общности, включающие в себя всех людей. Л.Н. Гумилев отмечает, что универсальным критерием различия этносов выступают стереотипы поведения, особый поведенческий язык, передающийся по наследству. При этом такой специфический поведенческий

язык передается не генетически, а с помощью механизмов сигнальной наследственности, при которых поведенческие стереотипы усваиваются за счет подражания поведению родителей. Эти же механизмы формируют адаптивные навыки. Связи в этносе определяются не сознательными отношениями, а иррациональным представлением «свой-чужой», а ощущение реальности стереотипного поведения формирует самосознание и отношение ко всему окружающему миру по линии «мы-они». Геобиохимическая энергия поддерживает единство этноса и определяется как пассионарность, которую Л.Н. Гумилев понимал как непреодолимое стремление к достижению какой-либо цели, для осуществления которой ее носители (пассионарии) готовы пожертвовать как собственной жизнью, так и жизнью своего потомства. Пассионарность (P) противоположна инстинкту самосохранения (J) и в зависимости от соотношения пассионарного импульса Л.Н. Гумилев рассматривал три поведенческих типа: 1) пассионарии ($P > J$); 2) гармоничные люди ($P = J$) и 3) субпассионарии ($P < J$).

В зависимости от относительного количества пассионариев этнос проходит ряд стадий:

- фазу подъема пассионарности (скрытую, инкубационную или явную);
- фазу предельной пассионарности (акматическую);
- фазу надлома (резкого спада пассионарности);
- инерционную фазу (постепенного спада пассионарности);
- фазу потери пассионарности (фазу обскурации);
- мемориальную фазу, в которой этнос превращается в реликт.

Этносы имеют сложную структуру, включающую в себя субэтноты, консорции и конвекции. При этом этносы составляют еще более сложные структуры: суперэтноты, объединяемые общей доминантой, – религиозные общины – нации – цивилизации – гецивилизации. Л.Н. Гумилев отмечает, что между этносами могут складываться различные типы связей и отношений. В частности, он выделял симбиоз (добрососедство),

ассимиляция (слияние), ксения (добровольное объединение без слияния), химера (объединение без слияния путем подчинения одного этноса другим, чуждым ему по доминанте), война за господство на определенной территории (внутри суперэтноса), война на истребление (при враждебных контактах на суперэтническом уровне) [1].

Направленность расходования пассионарного импульса зависит от выбора доминанты, т.е. определенной идеи, которая составляет мироощущение и жизненную программу ее носителей, причем эта идея в своей основе носит религиозный характер.

Один из основателей современной российской геополитики А. Дугин также не обошел своим вниманием проблему этносов. В своей монографии «Основы геополитики» он использует словосочетание «Русский народ (= Россия)», практически не применяя термина «этносы», но говорит именно о них. Автор отмечает, что в современных условиях государственной неустойчивости и нестабильности необходимо найти конкретную категорию для понимания «русских национальных интересов» и единственной естественной и исторически укорененной реальностью может стать только русский народ [2].

По мнению А. Дугина, русский народ – это историческая общность, которая имеет все признаки полноценного и стабильного политического субъекта, объединенного этнически, культурно, религиозно и психологически. Он выступает как цивилизационная константа, как носитель особой и самобытной цивилизации, выполняющий свои особые геополитические функции. Во-первых, русский народ (= Россия) ответственен за контроль над северо-восточными регионами Евразии, что составляет естественный геополитический процесс истории России. Маккиндер называл Россию «геополитической осью истории», т.к. русский народ традиционно тяготеет именно к цивилизационному освоению расположенных в центре материка внутриконтинентальных пространств.

Фундаментальный принцип геополитики России заключается в том, что стратегические интересы должны быть направлены на пространства Северо-Восточной Евразии. Во-вторых, русский народ обладает особым типом религиозности и культуры, которые принципиально отличаются от католического и протестантского Запада. Это предопределяет то, что в качестве геополитической и культурной антитезы России необходимо рассматривать «Запад» как целое, не разделяя на отдельные государства. Фундамент русской цивилизации радикально отличается от Запада, причем во многих ключевых моментах Россия и Запад предстают как конкурирующие, взаимоисключающие друг друга модели, имеющие различное мировоззрения и предназначения. В-третьих, миссия русского народа имеет универсальный характер, и Россия никогда не ставила своей целью создание расово однородного, моноэтнического государства. Расширяясь, государство охватывало все больший конгломерат народов, культур и религий и эта экспансия тесно связана с качеством цивилизационной миссии русского народа, которая имеет универсальный «общий знаменатель», позволяющий интегрировать в себя самые различные культурные реальности. Этот «общий знаменатель» имеет свои специфические особенности, и применим только к народам, имеющим определенную историю, культуру и традиции. В-четвертых, русский народ имеет особый тип мировоззрения, который претендует на последнее слово в истории, что является высшей сверхзадачей русской нации.

Интересную концепцию этносов (в частности, российского этноса) предложил В.Д. Соловей [3]. Используя в своей работе в качестве фундаментального объяснительного принципа российской истории «этническое измерение», автор выдвигает идею о том, что уникальность и своеобразие русской истории кроется в природе русского народа, в его этнической специфике.

Свою концепцию автор строит на следующих базовых положениях.

- 1) Главный субъект и двигатель истории – народ. Народ – способная к коллективному волеизъявлению и обладающая общей волей группа людей (как противоположность неорганизованной массе).
- 2) Народ как целостность изначально существует в этническом качестве. Это внутреннее единство сохраняется над (или под) всеми социальными, политическими, религиозно-культурными, идеологическими и иными барьерами и размежеваниями. В.Д. Соловей категорично заявляет о том, что этничность является более фундаментальным фактором истории, чем экономика, культура и политика.
- 3) Народ реализует свое этническое тождество в истории спонтанно, стихийно, естественноисторическим образом, причем историю можно (и как следует из текста монографии даже категорически необходимо) рассматривать именно как развертывание этнического качества народа.

В своей работе В.Д. Соловей приводит следующее и, как отмечает автор, общепринятое в науке определение этноса. Этнос описывается как комбинация исторически сформировавшихся признаков/элементов: культуры, языка, религии, психического склада (национального характера), самосознания, к которым иногда добавляют территорию и экономику. Автор справедливо замечает, что нельзя понимать этнос как комбинацию неэтнических признаков, что «из сущностно неэтнических признаков не может возникнуть новое – этническое – качество» [3, с. 38]. В.Д. Соловей подверг жесткой и совершенно обоснованной критике некоторые стереотипы о русском этносе (православие, соборность, общинность, коллективизм, отзывчивость и т.д.), отмечая, что эти стереотипы не составляют квинтэссенцию русскости, ее глубинное, изначальное тождество.

В.Д. Соловей отмечает, что этнос является биологической популяцией, расширенной формой кровнородственного отбора и этнические группы имеют биологический характер, изначальные и фундаментальные биологические данности. Автор ссылается на А. Элеза, которые пишет: «Этнос, если он существует, есть по определению группа людей с некоторым общим биологическим признаком ... только такой признак (условно говоря, этнический признак) и может передаваться от поколения к поколению генетически» [3, с. 48]. Отвечая на постоянно муссирующийся вопрос о том, что генетически «чистых» этносов (этнических групп) практически не существует, а все они включают примесь иноэтнических генов, вследствие непрекращающегося смешения народов и рас (согласно известной поговорке: «Потри любого русского и найдешь татарина»), В.Д. Соловей отмечает, что в группах есть этническое ядро, сохраняющее в наиболее чистом виде генетическую конституцию и антропологический тип, и смешанная периферия. Если ядро уменьшается меньше критического размера, то этническая группа растворяется в других группах, ассимилируется до исчезновения. Ссылаясь на законы Менделя, ученый пишет о том, что в результате повторяющегося множественного смешения различных этносов, полиэтнического гибрида не возникает. Наследственные детерминанты различных этнических групп складываются у ребенка в индивидуальную комбинацию, сохраняя свою дискретность, индивидуальность и расходятся при формировании репродуктивных клеток этого ребенка. Поэтому внуку родителей разной национальности наследственные детерминанты передаются не в комбинации, а индивидуально, причем доминировать в определении генетической конституции внука будет лишь одна система наследственных детерминант. Ученый приводит пример того, что если ребенка от смешанного русско-чеченского брака можно назвать русско-чеченцем, то следующее поколение детей (внуки первой пары) по своей

генетической конституции окажется или русским, или чеченцем, хотя будет нести в себе гены и другого этноса.

Рассматривая чрезвычайно актуальный для психологии вопрос о соотношении биологического (врожденного) и социального (приобретенного) в психологической структуре человека, В.Д. Соловей отмечает то, что крайние точки, отдающие предпочтение или наследственности, или влиянию среды (воспитанию, образованию и т.д.) не получили подтверждения. Это приводит к необходимости рассматривать сложные динамические взаимодействия врожденного и приобретенного в различных контекстах, учитывая генетическую предопределенность этнического поведения.

Рассматривая генетически детерминированные характеристики этничности, В.Д. Соловей отмечает, что межполушарная асимметрия закреплена генетически и ее проекции в социальную жизнь фундаментальны. В качестве примера он отмечает, что восточные азиаты и европеоиды тяготеют к двум различным типам мышления – к пространственно-образному и логико-дискурсивному соответственно, которые непосредственно связаны с межполушарной асимметрией, т.е. активностью правого или левого полушарий головного мозга. Различный тип мышления означает то, что европейцы и восточные азиаты по-разному видят и воспринимают мир, и в соответствии с этим выстраивают различные социальные и культурные стратегии его освоения и, соответственно, алгоритмы поведения. Автор приходит к выводу о том, что генетически закреплённые биологические свойства (в т.ч. тип мышления) предопределяют тип социализации и культурные особенности представителей этносов.

Рассматривая врожденные характеристики, В.Д. Соловей пишет, что биология играет роль каркаса социальности и культуры, причем многие модели социального поведения носят врожденный характер, существуют

врожденные социальные инстинкты восприятия и действия. Эти инстинкты различаются у разных народов, поэтому на восприятие и познание окружающего мира национальность человека оказывает решающее значение. Это в восприятии носит врожденный характер.

Для понимания заложенных в психику инвариантных алгоритмов поведения больших групп людей отметим концепцию К. Юнга о коллективном бессознательном и архетипах. Он понимал архетипы именно как врожденные и передаваемые по наследству биологические структуры, а не как усваиваемые в ходе социализации ценностные ориентации, социальные модели и алгоритмы группового поведения. К архетипам восходят все социальные и культурные модели в структурно-логическом смысле, т.к. архетипы представляются как неосознаваемые силовые линии человеческой ментальности, вдоль которых группируются модели и алгоритмы действий человека. Архетипы бессознательны и выступают как самые общие инстинкты представления и действия, которые открывают принципиальную возможность осознанного действия. К. Юнг отмечает, что: «Всякое осознанное представление и действие развиваются из этих бессознательных образцов и всегда с ними взаимосвязаны» [4, с. 158].

Согласно К. Юнгу архетипы – это мыслеформы, пустые формы осознания, матрицы, требующие своего наполнения конкретным материалом. Конкретный материал наполняет их в зависимости от переживаемой людьми исторической ситуации, притом, что формы остаются неизменными – меняется только содержание. Например, архетипы «мы – они», «свое – чужое» носят характер врожденного биологического фильтра, но содержание и наполнение этих категорий зависит от контекста, причем число конкретных выражений любого архетипа потенциально бесконечно [5].

К. Юнг отмечал, что архетипы расово и этнически дифференцированы и существуют в виде более узких и специализированных проявлений универсальных человеческих мыслеформ, в которых отложился

специфический опыт групп людей, а не всего человечества в целом. Этнические архетипы предполагают врожденную этническую память и этническое бессознательное. В исследованиях С. Грофа приводятся доказательства существования врожденной этнической памяти [6, с. 212]. С. Лурье отмечает, что в исторической этнологии широкое распространение получила концепция Л. Пая «о чувстве ассоциации», в которой говорится о бессознательной схеме, определяющей «возможность и характер или даже саму способность членов данной культуры (в данном случае культура понимается как тождество этничности) к коммуникации между собой, а, следовательно, способность к коллективным действиям» [7, с. 160]. Благодаря этому чувству даже находящиеся по отношению друг к другу в состоянии скрытого или явного конфликта группы общества имплицитно согласовывают свои действия. Такая синхронность действия и бессознательная интеграция этнической группы возможна лишь в случае, если ее членов объединяет общий взгляд на мир и общая манера действий в нем – это В.Д. Соловей называет этническими архетипами.

В.Д. Соловей предлагает собственное определение этноса, согласно которому *этнос (этническая группа)* – это группа людей, отличающаяся от других групп людей совокупностью наследственных биологических характеристик и присущих только этой группе архетипов, члены которой разделяют интуитивное чувство сходства и родства. Ключевое отличие этноса от расы заключается в том, что членов расы может объединять чувство сходства, но не родства. Этнос отличается от социальных групп именно биологической передачей своих отличительных (даже социальных инстинктов) признаков, а этничность – такая же данность, как раса и пол. Этнос – сущностно биологическая группа социальных существ [3, с. 69].

Другую концепцию рассмотрения этносов предлагает А.М. Зимичев [8]. Он определяет этнос как любое объединение людей, которые сознают свою общность, т.е. могут сказать о себе «МЫ». Такое понимание

кардинально отличается от рассмотренного выше подхода В.Д. Соловья, но мы будем использовать обе концепции, т.к. они, по нашему мнению, не противоречат, а дополняют друг друга. С одной стороны, В.Д. Соловей приводит научные данные и совершенно обоснованно доказывает то, что у этносов должно быть наличие особых наследственных биологических характеристик и присущих конкретному этносу архетипов. Мы можем определить этот подход как «биологический» или «генетический». Но прекрасно известно, что даже близкие родственники, имеющие полный набор идентичных и наследственных, и биологических признаков, могут находиться друг по отношению к другу в состоянии конфликта, противоборства и войны, которая может идти до полного взаимного истребления. С другой стороны, казалось бы, совершенно разные люди, объединившись вокруг какой либо идеи или стремящиеся к достижению совместных целей, действуют как единое целое, как единый организм. И это уже невозможно объяснить только «биологическим» подходом и тем, что людей объединяет «интуитивное чувство сходства и родства». Концепцию А.М. Зимичева можно определить как «психологическую», т.к. в ней дается ответ на вопрос о том, что же заставляет людей объединяться, сотрудничать, сопереживать и соучаствовать, быть вместе и ради достижения общих целей отказываться от своих личных предпочтений и желаний. Поэтому мы будем рассматривать и использовать в исследовании обе концепции – «биологическую» В.Д. Соловья и «психологическую» А.М. Зимичева.

А.М. Зимичев отмечает, что для существования этноса он должен быть противопоставлен окружающему миру, т.е. «МЫ – НЕ МЫ», и каждый этнос развивается по единым законам, и единым принципам. Прочность этноса тем выше, чем больше целей жизнедеятельности – биологических, социально-биологических и социальных лежит в его формировании. Этнос начинается тогда, когда иррациональные цели рационализируются, и их удовлетворение начинает приобретать специфическую для этноса окраску под действием

категорий **изобилия (справедливость), добра, красоты и истины** [8]. Отметим, что такое понимание этноса является очень широким и к этносам можно отнести множество групп людей, объединенных общими целями. Нельзя не согласиться с А.М. Зимичевым в том, что в естественной природе не существует рассматриваемых им понятий – в природе нет справедливого или несправедливого, все красиво, нет разделения на добро и зло, а правом на обладание истиной в последней инстанции обладает только Господь Бог.

Каждый этнос формирует собственные категории истины, красоты, добра и изобилия (справедливости), в соответствии с которыми и определяются их критерии, без которых этнос существовать не сможет. Эти категории рационализируют иррациональные потребности и объединяют этнос, ориентируя его членов на выполнение единых целей, регламентируют поведение членов этноса, обеспечивая его существование, и противопоставляют этнос окружающему миру и другим этносам, в которых принято другое понимание красоты, добра, справедливости и истины. Мы используем понятие этноса, т.к. выше отмечали иерархию, согласно которой формирование глобальных социокультурных общностей происходит по следующему алгоритму: племена – этнические группы – религиозные общины – нации – цивилизации – геоцивилизации.

Категория изобилия (справедливость) определяет то, какой уровень удовлетворения физиологических потребностей членов этноса считать нормальным, что человек должен есть, как одеваться и где жить, должны ли люди постоянно стремиться к улучшению условий жизни или ограничиваться необходимым минимумом – это зависит от того, как сформулирована и понимается категория изобилия (справедливость) в этносе. Эта же категория определяет, кто будет пользоваться большими правами, каковы будут эти права в зависимости от его положения в социальной иерархии, кто (или все члены этноса) может продлевать род, каковы права мужчины и женщины, сколько детей можно иметь, где они

будут воспитываться и далее. Кто имеет право продвигаться по иерархической структуре, по каким принципам происходит продвижение и т.п. Категория изобилия регламентирует поведение и деятельность членов этноса, их возможность обладания теми или иными ресурсами, права и обязанности.

Категория добро (этическая норма) определяется ориентацией этноса и формирует алгоритмы отношений к людям, нормы, стереотипы и правила поведения, обычаи и традиции, отвечает на вопрос: должен ли человек жертвовать собой или пренебрегать интересами других? Категория добро определяет отношение человека к друзьям, врагам и незнакомым людям, отношение между мужем и женой, мужчинами и женщинами, родителями и детьми, братьями, сестрами, старшими и младшими, начальниками и подчиненными. Она определяет то, что будет считаться достижениями и заслугами, а что вызывать презрение и отторжение, кто заслуживает уважения, а кто осуждения. В этих нормах с точки зрения добра и зла рационализируются все цели жизнедеятельности человека на основе целей, стоящих перед этносом. Разработка и внедрение определенных норм поведения для членов этноса является чрезвычайно сложной задачей. При этом регламентация не носит жесткий и формальный характер, выражая свои принципы в терминах «хорошего» и «плохого». Все многообразие отношений между членами этноса должно рассматриваться с точки зрения стратегических целей этноса и определяться категориями добра и зла.

Категория красота (эстетическая норма) регламентирует не столько поведение членов этноса и их взаимоотношения, сколько эмоциональную сторону сознания, отношение к жизни и окружающему миру при помощи представлений о красивом и некрасивом, прекрасном и безобразном. Категория красоты, в отличие от категории «добро», которое только регламентирует поведение, оставляет человеку большие возможности для самовыражения, сохраняя его ориентацию на цели и задачи, значимые для

этноса и направляя достижения человека на пользу всем членам этноса. Красота проявляется в архитектуре и одежде, во внешнем виде и единых образцах человеческой красоты, которым все стремятся следовать и подражать. Эта категория в большей степени, чем все остальные категории, дает некую единую униформу всем членам этноса, объединяя и противопоставляя их окружающему миру, делая членов одного этноса внешне похожими друг на друга, отличая их от представителей других этносов.

Истина (идеи, принципы) – высшая категория этноса. А.М. Зимичев отмечает, что она настолько абстрактна, что не имеет прямого отношения к поведению и деятельности, а регламентирует сознание и способность человека к рациональному мышлению. Более того, этой категории в природе не существует, ей нет аналогов и в ней полностью отсутствуют биологические предпосылки. Истина имеет рациональный, искусственный характер, поддерживая и закрепляя категории красоты, добра и изобилия (справедливости). При этом в качестве истины в этносе могут выступать совершенно различные базисные и аксиоматические положения – наличие или отсутствие Господа Бога, предопределенность законов мироздания, предначертанность судьбы, фатализм или свобода воли и сознательного, рационального выбора, первичность интересов государства или отдельного человека и т.д.

Категория истины, пишет А. М. Зимичев, почти полностью рациональна, поэтому сама идея, объединяющая членов данного этноса, может быть любой. При этом существуют требования, которые предъявляются к ней в любом этносе – истина должна утверждать правильность и истинность способа существования данного этноса, объединять его («Мы»), противопоставлять этнос окружающему миру («не Мы») как можно резче (идеологически, хотя это не обязательно предполагает исключительно враждебную ориентацию).

Комплекс положений, выдвигаемый этносом и принятый его членами, А.М. Зимичев называет ценностями этноса. Ценности этноса можно анализировать с различных точек зрения, выделив основные направления их влияния на членов этноса для получения четырех категорий этноса – истины, красоты, добра и изобилия. В зависимости от того, насколько ценности этноса закрепились в сознании людей и насколько они влияют на их поведение, можно получить их характеристики действенности, проявляющиеся в юридических и социальных нормах.

Категорию «истина» можно определить как «*соответствие реальности*». Несмотря на то, что проблема истины (истинности) является одной из самых трудных, в ней выделяются следующие ключевые признаки. Во-первых, истина должна быть **долговечной**, непреходящей, никогда не устаревающей. Если что-то истинно, то оно должно оставаться истинным. Во-вторых, **единство**, определяющееся тем, что истина всегда должна быть внутренне самосогласованна, не иметь несовместимых противоречий. В третьих, **целостность**. Понятие целостности связано с единством и определяет свойство полноты истинности. Четвертым признаком выступает **неизбежность**, проявляющаяся в парадоксе, определяемом как «привычность непривычного» или «известность неизвестного».

Произведем соотнесение предложенных А.М. Зимичевым категорий этноса красота, изобилие, добро и истина с элементами общенаучного пентабазиса В.А. Ганзена (рис. 1) [9, 10].

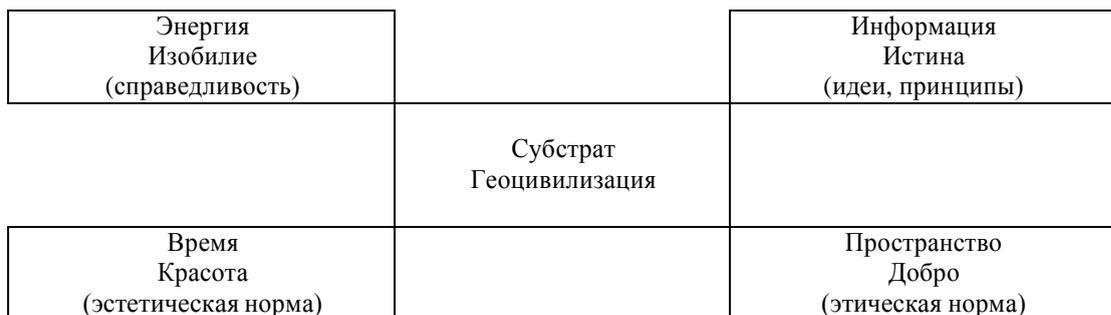

Рисунок 1

Категория красота регламентирует отношение к жизни и окружающему миру и, в первую очередь, эмоциональную сторону сознания. В психологическом базисе аффективная сфера сознания как функция реактивного регулирования соответствует понятию «время», чем объясняется именно такое ее расположение в общенаучном пентабазисе. Категория изобилие (справедливость) рассматривает наличие или отсутствие ресурсов в обществе, их распределение и доступность членами этноса. При этом ключевым понятием выступают именно ресурсы, что позволяет соотнести ее с понятием энергия в общенаучном пентабазисе. Категория добро определяет и регламентирует принятые стереотипы отношений, нормы и правила поведения человека в этносе, систему отношений среди людей, обычаи и традиции, что позволяет соотнести ее с понятием «пространство». Категория истина регламентирует деятельность сознания и способность человека к рациональному мышлению и соответствует понятию мышление в психологическом базисе и информация в общенаучном.

А.М. Зимичев рассматривает три типа этносов – агрессивный, паразитирующий и продуцирующий. Агрессивный тип живет за счет войн, грабежей, агрессии и захвата чужих ресурсов. Паразитирующий существует за чужой счет без агрессии или за счет перепродажи, спекуляции, мошенничества, ростовщичества и др. Продуцирующий занимается производством и добычей средств существования из той части Земли, на которой он находится и которая считается его территорией. В каждом типе этноса существует свое понимание этнических категорий истины, изобилия (справедливости), добра и красоты. В настоящей работе мы не будем рассматривать этот аспект, т.к. он подробно раскрыт в работе А.М. Зимичева «Психология политической борьбы».

Для решения задач нашего исследования необходимо рассмотреть то, как этнические категории истина, изобилие (справедливость), добро и красота понимаются и проявляются в каждой из глобальных гецивилизаций

– восточно-христианской (Россия), западно-христианской (США), исламской (Иран), индуистской (Индия) и конфуцианской (Китай).

Ниже мы только обозначим алгоритм такого анализа, прекрасно понимая то, что подробное исследование этих особенностей существования и функционирования гецивилизаций требует дальнейших глубоких и тщательных разработок (рис. 2).

	Восточно-христианская гецивилизация (Россия)	Западно-христианская гецивилизация (США)	Исламская гецивилизация (Иран)	Индуистская гецивилизация (Индия)	Конфуцианская гецивилизация (Китай)
Истина					
Изобилие (справедливость)					
Добро					
Красота					

Рисунок 2

Анализ категорий истина, изобилие (справедливость), добро и красота, имеющих свои специфические черты для каждой из глобальных гецивилизаций, представляется чрезвычайно важным и актуальным направлением в исследованиях психологических закономерностей протекания геополитических процессов.

Список использованных источников:

1. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. М., 1993
2. Дугин А.Г. Основы геополитики. М., Арктогея, 1997
3. Соловей В.Д. Кровь и почва русской истории. М., Русский мир, 2008
4. Юнг К.. О психологии восточных религий и философий. М., 1994
5. Юнг К.. Понятие коллективного бессознательного // Бог и бессознательное. М., 1998
6. Гроф С. За пределами мозга. Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. М., 2002
7. Лурье С. Историческая этнология: Учебное пособие для вузов. М., 1997
8. Зимичев А.М. Психология политической борьбы. СПб., 1993
9. Ганзен В.А. Системные описания в психологии. Л., 1984
10. Конфисахор А.Г. Психология политической власти. СПб., 2009